DOI: 10.53737/2713-2021.2026.27.12.016

Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев

ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР, СЧЕТОВОД ИЛИ ТАЙНЫЙ АГЕНТ? ИНСТИТУТ МУШРИФА И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА*

Статья посвящена анализу должности мушрифа в странах традиционного Востока. В источниках и исследованиях этот административный институт характеризуется весьма разнообразно. По мнению одних авторов, это был представитель казенных структур, другие склонны видеть в нем «агента под прикрытием», выполняющего тайные задания правителя в том или ином регионе, некоторые даже характеризуют его как придворного цереомониймейстера. На основе анализа широкого круга источников и результатов ранее проведенных исследований авторы приходят к выводу, что мушриф являлся, в первую очередь, высокопоставленным представителем финансового ведомства при дворе восточных правителей, хотя впоследствии эта должность претерпела эволюцию и утратила прежнее значение. В статье впервые вводится в русскоязычный научный оборот ярлык о назначении мушрифа из средневекового трактата «Дастур ал-катиб», составленного Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, придворным чиновником Хулагуидов и Джалаиров, во второй половине XIV в.

Ключевые слова: Монгольская империя, Ближний Восток, Средняя Азия, халифат, государство Хулагуидов, налоги и сборы, финансовый контроль.

Сведения об авторах: Абзалов Ленар Фиргатович[1], кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова; Гатин Марат Салаватович[2], кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова; Мустакимов Ильяс Альфредович[3], кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; Почекаев Роман Юлианович[4], доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

Контактная информация: [1,2]420111, Россия, г. Казань, Лево-Булачная ул., 44, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15, Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, e-mail: [1]len_afzal@mail.ru; [2]marat_gata@mail.ru; [3]010000, Республика Казахстан, г. Астана, 010000, ул. Пушкина, 15Б, Научный институт изучения Улуса Джучи; Республика Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева, д. 2, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, e-mail: imus2007@mail.ru; [4]194100, Россия, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., 3, корп. 1, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

L.F. Abzalov, M.S. Gatin, I.A. Mustakimov, R.Yu. Pochekaev

MASTER OF CEREMONIES, ACCOUNTANT OR SECRET AGENT? THE INSTITUTION OF MUSHRIF AND ITS EVOLUTION IN THE STATES OF NEAR AND MIDDLE EAST

The article is devoted to the analysis of the office of mushrif in the states of traditional Orient. The sources and researches characterize this institution in different ways. One authors consider mushrif as a representative of a treasure office, others states that he was a kind of “undercover agent” who fulfilled ruler’s secret orders in regions, while there is also an opinion that he was a master of ceremonies. The analysis of

* Статья поступила в номер 14 августа 2026 г.
Принята к печати 29 августа 2026 г.

© Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев, 2026.

the wide scope of historical sources and studies made before authors find that in fact mushrif was a financial officer of high rank, but later this office lost its importance. The article includes the first Russian-language publication of a legal monument — yarlik on the appointment of mushrif from the treatise “Dastur al-katib” written in the second half of the 14th c. by Muhammad b. Hindushah Nahchivani, who himself was a financial officer at the court of Hulaguids and their successors Jalairs.

Key words: Mongol Empire, Near East, Central Asia, Caliphate, Khulaguid state, taxes and duties, financial control.

About the authors: Abzalov Lenar Firgatovich[1], PhD (History), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University; Samarkand State University named after Sharof Rashidov; Gatin Marat Salavatovich[2], PhD (History), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University; Samarkand State University named after Sharof Rashidov; Mustakimov Ilias Al’fredovich[3], PhD (History), L.N. Gumilyov Eurasian National University; Pochekaev Roman Yulianovich[4], Dr. habil. (History), PhD (Law), Professor, HSE University in St. Petersburg.

Contact information: [1,2]420111, Russia, Kazan, Levo-Bulachnaya Str., 44, Kazan (Volga Region) Federal University; 140104, Republic of Uzbekistan, Samarkand, Universitetskiy Av., 15, Samarkand State University named after Sharof Rashidov, e-mail: [1]len_afzal@mail.ru, [2]marat_gata@mail.ru; [3]010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Pushkin Str., 15B, Research Institute for Jochi Ulus Studies; 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, 2 K. Satpayev Str., L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: imus2007@mail.ru; [4]194100, Russia, Saint Petersburg, Kantemirovskaya Str., 3, bd. 1, HSE University in Saint Petersburg, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

Занимаясь в течение длительного времени исследованием и переводом ханских ярлыков из «Дастур ал-катиб фи та‘йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней») — трактата, автором которого является Мухаммедом б. Хиндушазом Нахчивани, чиновник ильханов-Хулагуидов и их преемников Джалаиров, авторы настоящей статьи периодически сталкиваются с любопытными и порой даже забавными казусами, связанными с переводом и интерпретацией отдельных документов, включенных в данный источник.

В качестве примера сошлемся на перевод ярлыка о назначении мушрифа, который осуществил выдающийся австрийский востоковед XIX в. Й. фон Хаммер-Пургшталь, включив немецкоязычный вариант этого перевода в качестве одного из приложений к своей монографии по истории Золотой Орды. Исследователь квалифицировал этого чиновника (название которого он приводит в форме «мушерриф») как «церемониймейстера».

По нашему мнению, Й. фон Хаммер-Пургшталь допустил серьезные методологические ошибки в своей интерпретации статуса мушрифа. Во-первых, при переводе ярлыка о назначении на должность мушрифа он обратил внимание на упоминание в документе терминов, связанных с церемониями (не вполне корректно, как мы укажем ниже), приемом и вручением подаркаов и т.п., сделав несколько поспешный вывод о том, что именно к этой сфере относились основные должностные обязанности мушрифа. Во-вторых, исследователь осуществил перевод лишь отдельного документа, не соотнеся его с другими частями трактата «Дастур ал-катиб» и, тем более, не рассмотрев должность, назначение на которую производилось данным ярлыком, в общеисторическом контексте, с учетом особенностей появления и эволюции института мушрифа.

Тем не менее, российский востоковед И.Н. Березин, опираясь на сочинение своего австрийского коллеги, с доверием воспринял характеристику этого чиновника как церемониймейстера, сославшись на работу Й. фон Хаммер-Пургшталя в своем исследовании о Золотой Орде (Березин 1863: 58).

Однако в более поздних исследованиях, посвященных «Дастур ал-катиб» авторы с гораздо большим основанием рассматривают мушрифа как чиновника, деятельность которого была связана с финансовой сферой. Прийти к такой мысли им позволило ознакомление с другими частями «Дастур ал-катиб». Однако создается впечатление, что и эти авторы также не до конца разобрались с правовым статусом мушрифа, его правами и обязанностями. Так, В.З. Пириев, защитивший докторскую диссертацию на основе анализа трактата Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани, откровенно признает, что ему «не всегда

ясны» взаимоотношения мушрифа с другими чиновниками, также относящимися к финансовому ведомству — в частности, с назиром и хазинадаром, обязанности которых, по его мнению, были весьма сходны с функциями мушрифа (Пириев 1988: 33—34).

В данной статье предпринимается попытка более подробного анализа истории становления и развития этого административного института. Для этого, во-первых, был осуществлен новый перевод ярлыка о назначении мушрифа из «Дастур ал-катиб», а во-вторых — проведено сравнение положений о должности мушрифа в ярлыке с другими историческими источниками, относящимися к странам Ближнего и Среднего Востока (теми, в которых зафиксирована деятельность этих чиновников) как более раннего, так и более позднего времени. По нашему мнению, именно подобный подход позволит наиболее эффективно проследить эволюцию данного института и выявить особенности его правового статуса, функций и задач и пр.

Должность мушрифа имеет весьма давнее происхождение: впервые она упоминается уже на раннем этапе существования Арабского халифата, в VII—VIII вв., в котором эти чиновники являлись ревизорами, направлявшимися халифами в регионы для проверки деятельности местных администраций, выявления случаев нарушения властных предписаний из центра, злоупотреблений, взяточничества и пр. (Тарих 1974: 114; Encyclopaedia 1993: 679). Эта их деятельность означалась термином «ишраф», который буквально означал «наблюдение с высокого места»; название должности «мушриф» было производным от «ишраф» и, соответственно, означало «наблюдатель» (Бартольд 1963: 290; Encyclopaedia 1993: 678). Отметим, что Й. фон Хаммер-Пургшталь в своем переводе ярлыка из «Дастур ал-катиб» по одному ему известной причине перевел «ишраф» как «церемонии», что, в общем-то, и привело к его вышеупомянутой ошибочной квалификации мушрифа как цереможниймейстера в целом.

Деятельность этих чиновников оказалась результативной, поэтому даже после распада единого халифата мушрифы продолжили свою деятельность в государствах, возникших на его территории. Однако сразу отметим, что в разных государствах Ближнего и Среднего Востока за ними закрепились разные функции.

Так, в Сельджукском султанате в Малой Азии мушрифы превратились в некое подобие тайных осведомителей или даже секретных агентов. В частности, в трактате «Сиасет-наме» («Книга о правлении») рекомендовано назначать мушрифов при каждом обладателе высокой государственной должности, но так, «чтобы тот об этом не знал» (Сиасет-намэ 1949: 33). При этом мушрифы, выполнявшие, по замыслу везира, функции тайных осведомителей, должны были получать жалование из казны: это, во-первых, позволяло не превращать их содержание в налоговый гнет для местного населения, во-вторых, обеспечивало их финансовую независимость от самих руководителей региональных администраций, за которыми они должны были присматривать (Сиасет-намэ 1949: 64).

В несколько более позднем источнике сельджукского происхождения — трактате о должностях «Атабат ал-катаба», составленном Мунтаджаб ад-Дином ал-Джувейни, писцом при султане Санджаре в первой половине XII в., сообщается, что мушрифы были подчинены специализированному центральному ведомству — «диван-и ишраф-и мамалик» (Джувайни 1985: 54; Запорожец 2017: 186). По мнению исследователей, этот диван относился к финансовому ведомству, поскольку мушрифы достаточно часто фигурируют в связке с другими финансовыми чиновниками — вышеупомянутыми назирами, а также с мустауфи. Однако, как можно увидеть из их характеристики, данной в «Сиасет-наме», их обязанности значительно выходили за рамки финансовой сферы — по крайней мере, в рассматриваемый период.

Сходные обязанности выполняли мушрифы и в государстве Газневидов на территории современного Афганистана и Северной Индии. Богатый материал о мушрифах содержится в сочинении Абу-л-Фазла Байхаки «Тарих-и Байхаки», составленном в середине XI в., из которого до нашего времени дошла только часть, известная в историографии как «История

Масуда», поскольку посвящена правлению султана Масуда Газневи (1030—1041). В отличие от вышеупомянутых сельджукских источников, этот труд является не трактатом, содержащим наставления или официальные документы, а историческим сочинением, посвященным конкретным событиями из истории государства Газневидов. Соответственно, в нем сообщается о деятельности конкретных чиновников, занимавших должность мушрифа, их отношениях с правителями и другими представителями властей.

Тем не менее, и Байхаки отмечает «тайный» характер назначения и деятельности мушрифов. При этом автор отмечает практику назначения мушрифов из числа самих же подчиненных тех или иных региональных наместников: получалось так, что они получали функции надзора и контроля над своими прежними начальниками (Байхаки 1969: 130, 136, 362)! Махмуд Газневи организовал такую слежку за своими сановниками и чиновниками всех уровней, приставив даже к собственному сыну — будущему султану Масуду «некоего мушрифа», «который постоянно находился при его сыне..., приглядывался к тому, чем они дышат, и доносил» (Байхаки 1969: 191; Запорожец 2017: 136).

Впрочем, наряду с мушрифами-«соглядатаями» Байхаки также упоминает и «придворных мушрифов», который свой статус и обязанности не скрывали; именно эти чиновники вели учет подаркам, которые подносились правителю или вручались им самим своим сановникам (Байхаки 1969: 234, 313, 326, 348, 601). Кроме того, согласно Байхаки, у мушрифов была еще одна функция — получение официальных ответов-отчетов от глав региональных администраций о выполнении последними предписаний главы государства (Байхаки 1969: 783, 784).

Как видим, положение и обязанности мушрифов в государствах Сельджуков и Газневидов достаточно сильно изменились по сравнению с эпохой раннего халифата.

А вот в государствах Средней Азии, судя по всему, институт мушрифа в большей степени сохранил свой первоначальный статус финансовых чиновников. В частности, диван мушрифов (как и диван мустауфи) существовал в государстве Саманидов на территории современной Средней Азии (Бартольд 1963: 288, 442).

Шихаб ад-Дин ан-Насави в жизнеописании своего повелителя — хорезмийского султана Джалал ад-Дина Манкбурны, составленном в первой половине XIII в., описывает мушрифов как официальных чиновников, состоявших при диванах государя и его региональных наместников. В их обязанности входил контроль правильности составления финансовых отчетностей, проверка документов о доходах и расходах и т.п. Как и в вышеупомянутых источниках, мушрифы у ан-Насави часто упоминаются вместе с мустауфи и другими финансовыми чиновниками (Насави 1996: 219, 231).

По-видимому, в руках мушрифов сосредотачивалась значительная власть, и они обладали мощными рычагами воздействия на политическую жизнь в государстве Хорезмшахов, о чем также свидетельствуют примеры, приводимые на-Насави. Так, узнав о смерти хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда II в 1220 г., несколько придворных сановников, среди которых был и мушриф Имад ад-Дин, «подделали письма от имени султана» и «взяли в руки средства дивана» (Насави 1996: 96).

Еще один мушриф по имени Ради ал-Мулк, состоявший при Салах ад-Дине, наместнике Газны, будучи недоволен тем, что тот не стал покрывать его злоупотреблений, организовал против него заговор, в результате чего наместник был убит, а мушриф сам возглавил регион. Причем его положение оказалось настолько прочным, что султан Джалал ад-Дин Манкбурны поначалу даже не смог его сместить: ему пришлось сначала укрепить собственное положение, лишь после чего он получил возможность снять мушрифа с должности и привлечь к ответственности (Насави 1996: 118—119; Бартольд 1963: 442).

В целом можно отметить, что практически все авторы сочинений, упоминающие о мушрифах и их деятельности, подчеркивают, что в качестве таких чиновников следует назначать честных и верных людей, которые, к тому же хорошо образованы и компетентны в финансовой сфере (Байхаки, 1969: 218, 327—328, 363).

Однако при этом мушрифы довольно часто вступали в сговор с главами региональных администраций, амилями и начальниками почт, в результате чего злоупотребления последних не только не раскрывались и не наказывались, но еще и усиливались за счет участия в противоправной деятельности самих же мушрифов (Агаджанов 1991: 34; Насави 1996: 237).

В связи с этим можно согласиться с предположением исследователей о том, что наличие наряду с мушрифом сходных должностей назира и мустауфи имело целью контроль и проверку деятельности самих мушрифов другими независимыми от них финансовыми чиновниками.

Высокий статус и значимость мушрифов подчеркивались тем, что нередко занятие этой должности становилось отправной точкой для последующей их карьеры. Известно, что некоторые главы «диван-и ишраф-и мамалик» впоследствии становились везирами.

А теперь обратимся непосредственно к материалам «Дастур ал-катиб» и, соответственно, анализу статуса мушрифов в государстве Хулагуидов и их преемников Джалаиров. Также считаем целесообразным соотнести сведения ярлыка как правового памятникам с сообщениями о конкретных мушрифах из исторического сочинения — «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, составленного в начале XIV в.

Ниже мы приводим сравнительный перевод этого документа на русский язык — с немецкоязычного варианта, который предложил Й. фон Хаммер-Пургшталь, и современный с оригинала.

Перевод Й. фон Хаммер-Пургшталя (Hammer 1840: 490—491)[1]	**Перевод с оригинала (Нахчивани 1976: 111—114 араб. паг.)[2]**
XVIII. Грамота [ярлык] мушеррифу, т.е. цереомониймейстеру (только один [образец]) Возвышение благороднейших людей, т.е. султанов ислама, возможно только благодаря трудам денно и нощно в течение нескольких месяцев и лет, а также с помощью участия знати и простых людей и только если их [султанов — *М.Г.*] должностные лица и уполномоченные в решении общих дел и в распоряжении различными вопросами руководствуются принципами, установленными законом, через надзирателей и доверенных лиц, через дельных и умелых людей, удерживая клиентов [подданных? — *М.Г.*] от любых инцидентов, а также самостоятельно распоряжаясь доходами и прочими поступлениями, таким образом, чтобы в любое время, когда их спросят, они могли дать один и тот же ответ относительно качества и количества да сообщить об этом наилучшим образом, дабы таким образом потребности казны и других слоев людей могли быть понятны эмирам, везирям, ближайшему окружению господина и	**Раздел шестой. О препоручении должности мушрифа государства** Величие благородных людей, кои суть султаны ислама, зиждется на ежедневном и еженощном труде и [изучении] обстоятельств знатных и простолюдинов в течение многих месяцев и лет. Достичь его (величия. — *И.М.*) возможно [только] тогда, когда их (султанов. — *И.М.*) чиновники и порученцы заняты обеспечением блага подданных и поддержанием порядка в разных делах, являясь [людьми] верными, надежными, компетентными и способными, дабы занимались разбором происходящих дел, вниканием в обстоятельства событий, разысканиями относительно поступлений налогов и изысканиями относительно расходования денег и прочих средств так, чтобы при вопрошании у них о положении дел и имеющихся суммах они могли дать ответ, доложив об этом наилучшим образом, а расходы, необходимые для выплат [получателям] казенного жалования и прочим категориям людей из

[1] Перевод с немецкого языка выполнен М.С. Гатиным.
[2] Перевод с персидского языка выполнен И.А. Мустакимовым.

членам Дивана. Согласно всему этому, поскольку ходжа Джелаледдин Махмуд[3] наделен благоприятными качествами, беспрестанно занимался делами Дивана, был знаком с их мельчайшими подробностями и прославился своей надежностью, религиозностью, прямотой слов и прямым письмом: таким образом должность мушеррифа Великого Дивана и хорошо оберегаемых земель вверяется ему, дабы он мог заниматься делами Дивана в порядке, ожидаемом от его способностей, навыков, делового опыта и умения, чтобы он получал знания о количестве сумм казны на содержание и обеспечение[4] жалования эмиров и победоносных армий самым легким путем и не позволял себе быть виноватым в каких-либо ошибках или недостачах, чтобы благодаря своим способностям и деловому опыту он смог сделать себя достойным для награждения подарками и различными почестями (тешрифат), если на то будет воля Всевышнего! По этой причине и вступает в силу этот указ, дабы эмиры улусов, везири, придворные слуги, эмиры десяти тысяч, тысяч и сотен, члены Великого Дивана, военачальники, местные правители, земские писцы признавали [ходжу Джелаледдина Махмуда] церемониймейстером страны (moscherrifi memalik) и обращались к нему по всем вопросам, касающимся этой должности, чтобы члены Дивана были в согласии с ним во всех вопросах и не замыкались в себе, а лучше сообщали ему обо всех происшествиях и не скрывали от него никаких сведений; они должны считать необходимым то, чтобы его дела и его печать были во всех реестрах, предписаниях, письмах, приказах, постановлениях Дивана, советах, решениях, эмиров, везиров, приближенных [государя], членов Дивана и других, стали бы известны и определенны.

В связи с вышеозначенным, поелику ходжа Джалал ад-Дин Махмуд отмечен этими похвальными качествами, всегда во всех подробностях осведомлен о делах Дивана, известен своей надежностью, набожностью, правдивостью и честностью, ему препоручается должность мушрифа Великого Дивана и Богохранимых Пределов с тем, чтобы он применял свои способности, знания, опыт и компетентность, занимаясь ведением делами Дивана ожидаемым [от него] образом. Пусть, будучи осведомленным и информированным относительно сумм поступлений и обстоятельств расходования средств, во всех случаях ревностно блюдет интересы Дивана и действует так, чтобы средства казны на обеспечение содержания, выдачу довольствия, обеспечение снаряжением и выплату жалования эмирам и победоносному войску добывались наиболее простым способом, при этом не допускалось бы задержек и недодачи, дабы своей компетентностью и опытом он снискал обильные милости и многие почести, если будет на то воля Аллаха Всевышнего.

Посему этот указ вступает в силу с тем, чтобы улусные эмиры, везиры, инаки, эмиры туменов, тысяч и сотен, члены Великого Дивана, хакимы, мутасаррифы и битикчии вилайетов признавали его мушрифом государства и по всем вопросам, связанным с отправлением этой должности, обращались к нему. Пусть члены Дивана согласуют с ним все действия и никоим образом не самоуправствуют. Осведомляя и информируя его обо всех делах, пусть ничего от него не укрывают и не утаивают.

[3] Отсутствие даты и адресанта ярлыка не позволяет точно соотнести упомянутое лицо с какими-либо известными обладателями этого имени, которое довольно части встречается в источниках по истории Хулагуидов и Джалаиров. В частности, это может быть даже сын Рашид ад-Дина, занимавший в период нахождения отца у власти ряд сановных должностей. Не меньше оснований полагать, что это также мог быть Ходжа Джалал ад-Дин Сиваси — сподвижник Рашид ад-Дина, к тому же занимавший должность мустауфи (Рашид ад-Дин 1971: 285), которая, как мы уже отмечали, была близка по статусу и обязанностям к должности мушрифа.

[4] Примечание Й. фон Хаммер-Пургшталя: Gergirak, что на самом деле означает это слово, невозможно определить по словарям, так как оно в них не встречается. В тексте گرگیراق (гарак-йарак), обозначал всякого рода средства, потребляемые на нужды правителей, царевичей, эмиров и их жен. Помимо этого под этим термином подразумевались сборы с населения для вооружения войска. — *Л.А.*

льготах и привилегиях, также при определении налоговых доходов и распределений сумм, подлежащих выплатам, должно осуществляться только на основании его заключения; они должны признавать его представителей, которых он отправит во все земли страны для проведения церемоний (ишраф) [? — *М.Г.*], платить ему ежегодно установленные суммы и выдавать грамоты по его требованию, чтобы он мог использовать жалование, причитающиеся его должности, для покрытия обременяющих его расходов и мог позаботиться обо всем, что необходимо для его службы.	Пусть считают обязательным и необходимым действовать после его информирования и согласно его распоряжениям, [подкрепленным] его печатью на всех реестрах, предписаниях, служебной документации Дивана, включающей указы, приказы, жалованные грамоты, постановления по финансовой части[5] и тому подобных [документах]; пусть назначают налоговых чиновников, разверстывают налоги, направляют средства по согласованию с ним. Пусть признают полномочия его представителей (*наибов*), назначенных и направленных им в каждый город и вилайет. Пусть ежегодно выплачивают ему жалованье в сумме столько-то золотых динаров ходячей монетой и напишут бераты[6] на места, с которых будет собираться требуемая сумма с тем, чтобы он мог использовать жалование, причитающееся ему по должности, для покрытия расходов, связанных с исполнением служебных обязанностей. Писано в…

Анализируемый документ представляет собой указ о назначении не рядового мушрифа, а «мушриф-и мамалик» («мушрифа государства»), то есть главу остальных мушрифов. Как можно увидеть из содержания ярлыка, эти чиновники в рассматриваемый период являлись именно финансовыми контролерами, которые отвечали за контроль над средствами государственной казны, равно как и за надзор за финансовой деятельностью региональных администраций.

Ни о какой тайной или информаторской деятельности в ярлыке речи не идет: напротив, прямо указывается, что чиновники разных уровней и сфер деятельности должны признавать в его статусе Джалал ад-Дин Махмуда, назначаемого мушрифом Великого Дивана (равно как и его представителей в регионах — наибов), обращаться к нему и согласовывать с ним вопросы финансовой и налоговой деятельности. Обратим внимание, что круг этих чиновников чрезвычайно широк: среди них упоминаются представители военной администрации (улусные эмиры, инаки, эмиры туменов, тысяч и сотен) и штатские чиновники (члены дивана, хакимы, мутасаррифы-управляющие, битикчи-писцы). Этот перечень чиновников, которым следовало взаимодействовать с мушрифом, отражает широкую сферу полномочий мушрифов в рассматриваемый период, охватывающий финансовую сферу на центральном, региональном и местному уровне, в военной и гражданской деятельности.

При этом финансирование деятельности осуществлялось, как видно из ярлыка, за счет казны — в виде установленного жалования на основании постановлений Великого Дивана, то есть центрального органа управления государства ильханов. Таким образом, Хулагуиды, как видим, приняли идею из трактата «Сиасет-наме» о содержании мушрифа и, вероятно, его представителей-наибов за счет государственной казны, а не средств из региональных бюджетов.

Обратившись к сведениям Рашид ад-Дина о мушрифах при ильханах, мы находим очередные подтверждения их высокого статуса. Во-первых, некоторые мушрифы являлись

[5] Перевод предположительный. В тексте: مفاصاة و موامرات و جزازات.

[6] Берат — диплом, жалованная грамота, в которой указывалась сумма и источник дохода держателя.

«товарищами» (фактически заместителями) сахиб-диванов — руководителей высших исполнительных органов власти (Рашид ад-Дин 1946: 95). Во-вторых, как и в более ранних тюркских государствах, главы ведомства мушрифов имели реальные шансы занять и высшие руководящие должности в государстве ильханов. Так, везир Сад ад-Доула до назначения на высший пост в государстве занимал должность мушрифа в Багдаде, причем региональные главы гражданской и военной администрации должны были ему подчиняться (Рашид ад-Дин 1946: 118—119, 123).

По мнению М.А. Сейфеддини, в государстве Хулагуидов мушрифы имели еще одну обязанность, о которой не упоминается в источниках: контроль пробы и веса монет, отмечая, что и в этой сфере они могли вступать в сговор с региональными администраторами, сборщиками налогов и чиновниками монетного ведомства, покрывая их нарушения (Сейфедини 1968: 145—147). Однако обратим внимание, что тот же Рашид ад-Дин в разделе своего сочинения о стандартах монет и весов ни слова не говорит об участии в их обеспечении мушрифов (Рашид ад-Дин 1946: 170—175). По всей видимости, специально вопросами, связанными с чеканкой монеты в государстве ильханов мушрифы не занимались, и их функции в этой сфере также сводились к общему контролю за доходами и расходами в рамках общей финансовой деятельности администрации соответствующего региона.

Завершая обзор статуса мушрифов в государстве Хулагуидов и Джалаиров, стоит обратить внимание на то, что в «Дастур ал-катиб» (не только в анализируемом ярлыке, но и в трактате в целом) не упоминается «диван-и ишраф-и мамалик», существовавший в более ранних государствах региона. Анализ вышеприведенного ярлыка дает основание считать, что мушрифы (включая и их руководителя «мушриф ал-мамалик») находились в прямом подчинении Великого Дивана и его главы — везира. Это в полной мере соотносится с политикой Чингизидов по использованию ранее существовавших чиновных институтов в покоренных государствах: не желая сосредотачивать чрезмерные полномочиях в одних руках, они снижали статус и урезали полномочия обладателей таких должностей по сравнению с предыдущими периодами.

К сожалению, нам не удалось найти сведений о том, что институт мушрифов функционировал в других государствах Чингизидов — в частности, в Золотой Орде и Чагатайском улусе.

Однако обратим внимание, что Й. фон Хаммер-Пургшталь включил ярлык о назначении этого чиновника в свой труд именно о Золотой Орде, равно как и И.Н. Березин сослался на него в труде, посвященном также Улусу Джучи. Тем самым исследователи дают понять, что предполагают наличие института мушрифов (пусть и в качестве «церемониймейстеров»!) в этом чингизидском государстве.

Аналогичное предположение можно высказать и о существовании мушрифов также в Чагатайском улусе на основании факта того, что обладатели этой должности фиксируются в исторических источниках более позднего периода — относящихся уже к узбекским ханствам Средней Азии. В связи с этим позволим себе дать краткий обзор эволюции института мушрифа в государствах позднего Средневековья и Нового времени.

Эта должность сохранилась в государстве Сефевидов, причем, как и в монгольскую эпоху (при Хулагуидах и Джалаирах) соответствующего центрального ведомства мушрифов в нем не существовало[7]. Судя по всему, в их функции входил финансовый контроль на региональном и местном уровне — проверка дефтеров (финансовых отчетов) и т.п. Жалование они получали уже не из государственной казны, а из поступавших региональных и местных налогов (Tadhkirat 1980: 158). Позднее, в эпоху Каджаров, институт мушрифов также сохранился, однако они, как и при Сефевидах являлись финансовыми чиновниками с относительно невысоким статусом. В частности, мушриф Мирза-Ага, фигурирует среди

[7] По мнению К.Э. Босворта, функции прежнего «мушриф-и мамалик» могли перейти к другому чиновнику — даргу-йи дафтар-хана (Encyclopaedia 1993: 679).

членов посольства принц, а Хосров-мирзы в Россию в 1829 г., судя по всему, отвечая за контроль его расходов (Берже 1879: 337).

Есть сведения о деятельности мушрифов в Индии в период Средневековья и Нового времени. В Делийском султанате в период правления Тоглукивдов (XIV—XV вв.), мушрифы занимали относительно высокие должности при дворе султанов, причем мушриф контролировал поступающие доходы, тогда как за контроль над расходами отвечал его коллега — мустауфи. Однако в XVI в., в правление Шер-шаха из династии Сури, полномочия мушрифов были существенного ограничены: они стали контролировать результаты сбора урожая, а также оценивал ущерб, который приносили войска мирному населению при продвижении по стране. D империи же Великих Моголов мушрифы окончательно превратились в местных счетоводов (Encyclopaedia 1993: 679—680; Hintze 1997: 75).

В Бухарском ханстве мушрифы сохранили высокое место в сановной иерархии. В частности, в «Бухарском трактате о чинах и званиях» XVIII в. муршриф следует непосредственно за «диван-беги», который являлся в этом государстве главой финансового ведомства (Иванов 1954: 73; Предписания 1981: 93; Семенов 1948: 142). Мушриф вел учет подношений главе государства и подарков, который хан (затем эмир) сам вручал своим подданным, включая дорогое оружие и доспехи — кольчуги, щиты и пр. Также он отвечал за выдачу жалования военным (Предписания 1981: 17, 54—55, 94). В этом отношении мушриф в Бухаре может быть соотнесен по статусу с «мушриф-и мамалик» государства Хулагуидов[8]. Жалование бухарские мушрифы не получали: правители наделяли их земельными владениями, на доходы с которых они и существовали (Документы 1954: 44)[9].

А вот в Хивинском ханстве мушрифы занимали своеобразное «промежуточное» положение между своими коллегами в государстве Сефевидов и в Бухарском ханстве. С одной стороны, они не входили в высшую сановную иерархию, как в Бухаре, но с другой — не являлись и мелкими чиновниками местного уровня, как в Сефевидском государстве. Согласно финансовым документам Хивинского ханства, мушрифы сами занимались сбором налогов в отдельных регионах, а также сами распределяли собранные налоговые поступления в денежной и натуральной форме (зерном) среди тех, кому такие выплаты полагались (Баскаков 1989: 69; Бейсембиев 2009: 38; Иванов 1940: 99, 110, 125). Как и бухарские мушрифы, они имели собственные земельные владения, а также содержали собственных нукеров, причем, как следует из правовых памятников, должны были платить налоги со своей земли в пользу казны (Иванов 1940: 63, 100, 107, 160, 161, 171).

Нам удалось также найти упоминание должности мушрифа в так называемом Могольском государстве или Кашгарии в Восточном Туркестане. Мирза Мухаммед Хайдар Дуглат в сочинении «Тарих-и Рашиди» («История Рашида»), написанном около середины XVI в., упоминает обладателя этой должности по имени Ходжа Сафи Али — правда, не в связи с осуществлением его профессиональных обязанностей, а как участника военной кампании кашгарского хана Султан-Саида, во время которой он и погиб (Мирза Хайдар 1996: 385)). Впрочем, автор характеризует его как «мушрифа высочайшего дивана», что позволяет сделать вывод о высоком положении этого чиновника в Кашгарии — примерно на том же уровне, что и в государстве Хулагуидов или в Бухарском ханстве.

Подводя итоги нашего исследования, мы можем уверенно утверждать, что мушриф действительно являлся высокопоставленным чиновником финансового ведомства, в задачи которого входили контроль как состояния казны (включая подарки, которые преподносились правителям или, напротив, были предназначены для вручения им своим подданным из числа представителей знати и чиновничества), а также проверки финансовой

[8] Обратим внимание, что в Бухарском ханстве наряду с мушрифом существовала и должность придворного цереомониймейстера, который, впрочем, назывался «шигаул» (Бартольд 1964: 396). Этот факт служит еще одним доказательство ошибочности классификации мушрифа, которою дал Й. фон Хаммер-Пургшталь.

[9] Правда, в некоторых бухарских документах упоминается специальный налог «мушрифанэ», который, как следует из его названия, мог в те или иные периоды взиматься как раз на содержание мушрифов (Иванов 1954: 38).

деятельности наместников отдельных регионов. Правда, со временем, уже в позднем Средневековье практически во всех государствах, в которых эта должность продолжала существовать, можно отметить существенное снижение статуса мушрифов, урезание их полномочий до регионального и даже местного уровня.

Соответственно, характеристику мушрифа как церемониймейстера, которую дал Й. фон Хаммер-Пургшталь следует признать ошибочной. Нет также оснований считать, что мушриф выполнял функции «тайного агента» правителя в том или ином регионе: деятельность «под прикрытием» была не столько целью, сколько способом получения этим чиновником информации в рамках проведения ревизии финансовой деятельности региональной администрации.

Еще один вывод, к которому мы приходим на основе проведенного анализа, состоит в том, институт мушрифа претерпел определенную эволюцию в разных государствах, в которых существовал: уже в источниках XI—XII вв. видно, что представление о его статусе и обязанностях имели значительные отличия в странах Ближнего и Среднего Востока. Отметим, что монголы, сохранив саму должность мушрифа в государстве Хулагуидов, по всей видимости, опирались на среднеазиатский, а не ближневосточный опыт его функционирования, который, в большей степени соответствовал изначальным обязанностям мушрифа в период появления и становления этой должности в халифате.

Литература

Агаджанов С.Г. 1991. *Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI—XII вв*. Москва: Наука.

Байхаки 1969: Арендс А.К. (пер., введ., коммент. и прил). Абу-л-Фазл Байхаки. *История Масуда (1030—1041)*, 2-е изд., доп. Москва: Наука.

Бартольд В.В. 1963. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. В: Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. I. Москва: Издательство восточной литературы.

Бартольд В.В. 1964. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке. В: Бартольд. В.В. *Сочинения*. Т. II. Ч. 2. Москва: Наука, 388—399.

Баскаков Н.А. 1989. Титулы и звания в социальной структуре бывшего Хивинского ханства. *Советская тюркология* 1, 63—70.

Бейсембиев Т.К. 2009. *Кокандская историография: Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII—XIX вв*. Алматы: Print-S.

Березин И. 1863. *Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева*. Сакнт-Петербург: Типография Императорской академии наук.

Берже А.П. 1879. Хосров-мирза 1813—1875. *Русская старина* 6, 333—352.

Джувайни 1985: Курпалидис Г.М. (пер.). Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. *Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба)*. Москва: Наука.

Документы 1954: Чехович О.Д. (пер., введ. и прим.), Арендс А.К. (ред.). *Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве*. Вып 1. *Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв*. Ташкент. АН Узбекской ССР.

Запорожец В.М. 2017. *Роль тюрок-сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке в XI — начале XIV века*. Дисс. … докт. ист. наук. Москва.

Иванов П.П. 1940. *Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии*. Ленинград: Издание Государственной публичной библиотеки.

Иванов П.П. 1954. *Хозяйство джуйбарских шейхов*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Мирза Хайдар 1996: Урбанаев А., Джалилова Р.П. (пер.). Мирза Мухаммад Хайдар. *Тарих-и Рашиди*. Ташкент: Фан.

Насави 1996: Буниятов З.М. (крит. текст, пер., пред., прим. и указ.). 1996. Ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. *Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны)*. Москва: Восточная литература.

Нахчивани 1976: Али-заде А.А. (крит. текст, пред. и указ.). 1976. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. *Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней)*. Т. II. Москва: Наука.

Пириев В.З. 1988. *Государственный строй и система управления в Азербайджане при Хулагуидах и Джелаиридах*. Автореф. ... докт. ист. наук. Баку.

Предписания 1981: Вильданова А.Б. (факс., введ., перо., прим. и прил.). 1981. Мирза Бади-диван. *Маджма ал-аркам («Предписания фиска») (приемы документации в Бухаре XVIII в.)*. Москва: Наука.

Рашид ад-Дин 1946: Арендс А.К. (пер.), Струве В.В. (отв. ред.). 1946. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. III. Москва; Ленинград: АН СССР.

Рашид ад-Дин 1971: Фалина А.И. (пер.). Рашид ад-Дин. *Переписка*. Москва: Наука, 1971.

Сейфеддини М.А. 1968. Организация монетного дела в государстве ильханов в XIII—XIV вв. *НиЭ* VII, 144—148.

Семенов А.А. 1948. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. *Советское востоковедение* V, 137—154.

Сиасет-намэ 1949: Заходер Б.Н. (пер., введ. и прим.). *Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Тарих 1974: Смирнова Л.П. (пер., введ. и коммент.) *Тарих-и Систан («История Систана»)*. Москва: Наука.

Encyclopaedia 1993: Bosworth C.E., Donzel E. van, Heinrichs W.P., Pellat Ch (eds.). *The Encyclopaedia of Islam*. New ed. Vol. VII: Mif-Naz. Leiden: E.J. Brill.

Hammer-Purgstall J. Von 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag.

Hintze A. 1997. *The Mughal Empire and Its Decline an Interpretation of the Sources of Social Power*. Aldershot: Ashgate.

Tadhkirat 1980: Minorsky V. (transl.). *Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725)*. Cambridge: E.J.W. Gibb Memorial.

References

Agadzhanov, S.G. 1991. *Gosudarstvo Sel'dzhukidov i Srednyaya Aziya v XI—XII vv*. (*Seljuqid State and Central Asia in 11th—12th cc.)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Baykhaki 1969: Arends, A.K. (transl., intyr., comments and apps). Abu-l-Fazl Baykhaki. *Istoriya Masuda (1030—1041) (History of Masud (1030—1041))*, 2nd ed, suppl. Moscow: Nauka (in Russian).

Bartol'd, V.V. 1963. In: Bartol'd V.V. *Sochineniya (Collected works)*. Vol. I. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury (in Russian).

Bartol'd, V.V. 1964. In: Bartol'd, V.V. *Sochineniya (Collected works)*. Vol. II. Pt. 2. Moscow: Nauka, 388—399 (in Russian).

Baskakov, N.A. 1989. In *Sovetskaya tyurkologiya (Soviet Turkic Studies)* 1, 63—70 (in Russian).

Berezin, I. 1863. *Ocherk vnutrennego ustroystva Ulusa Dzhuchieva (Essay on the internal structure of the Jochi Ulus)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press (in Russian).

Berzhe, A.P. 1879. In *Russkaya starina (Russian antiquities)* 6, 333—352 (in Russian).

Beysembiev, T.K. 2009. *Kokandskaya istoriografiya: Issledovanie po istochnikovedeniyu Sredney Azii XVIII—XIX vv. (Khoqand Historiography. Source study reseach on the Central asia of 18th—19th cc.)* Almaty: Print-S (in Russian).

Dzhuvayni 1985: Kurpalidis, G.M. (transl.). 1985. *Muntadzhab ad-Din Badi Atabek al-Dzhuvayni. Stupeni sovershenstvovaniya katibov (Atabat al-kataba) (Scribes' degrees of perfection)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Dokumenty 1954: Chekhovich, O.D. (transl., intr. and notes), Arends, A.K. (ed.). 1954. *Dokumenty k istorii agrarnykh otnosheniy v Bukharskom khanstve (Documents on history of agrarian relations in the Khanate of Bukhara)*. Iss 1. *Akty feodal'noy sobstvennosti na zemlyu XVII—XIX vv. (Acts of feudal landonership of 17th—19th cc.)*. Tashkent. AN Uzbekskoy SSR (in Russian).

Zaporozhets, V.M. 2017. The role of Seljuq Turks in thehistorical processes in the Near and Middle East in 11th — beginning of 14th c.. Dr. Sci. Thes. in history. Moscow.

Ivanov, P.P. 1940. *Arkhiv khivinskikh khanov XIX v. Issledovanie i opisanie dokumentov s istoricheskim vvedeniem. Novye istochniki dlya istorii narodov Sredney Azii (Archive of khans of Khiva of the 19th c. Study of the documents with historical introductuion. New sources for the history of peoples of Central Asia)*. Leningrad: Izdanie Gosudarstvennoy publichnoy biblioteki (in Russian).

Ivanov, P.P. 1954. *Khozyaystvo dzhuybarskikh sheykhov (Household of sheikhs of Juybari)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Mirza Khaydar 1996: Urbanaev, A., Dzhalilova, R.P. (transls.). 1996. Mirza Mukhammad Khaydar. *Tarikh-i Rashidi* (History of Rashid). Tashkent: Fan (in Russian).

Nasavi 1996: Buniyatov, Z.M. (trabsl.). 1996. An-Nasavi, Shikhab ad-Din Mukhammad. *Sirat as-Sultan Dzhalal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhalal ad-Dina Mankburny) (The Biography of Jalal al-Din Mankburni)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Nakhchivani 1976: Ali-zadeh, A.A. (text, intr., index). Mukhammad ibn Khindushakh Nakhchivani. *Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib (Rukovodstvo dlya pistsa pri opredelenii stepeney) (A Scribe's Guide to Determining Degrees)*. Vol. II. Moscow: Nauka (in Russian and Persian).

Piriev, V.Z. 1988. State sytructure and adfministrative system in Azerbaijan during the reign of Hulaguids and Jalairs. Abstract of Dr. Sci. Thes. in history. Baku.

Predpisaniya 1981: Vil'danova, A.B. (fax., intr., transl., notes and apps). 1981. Mirza Badi-divan. *Madzhma al-arkam ("Predpisaniya fiska") (priemy dokumentatsii v Bukhare XVIII v.)* (Instructions on fisk (techniques of documentation in Bukhara of the 18th c.)). Moscow: Nauka (in Russian).

Rashid ad-Din 1946: Arends, A.K. (transl.), Struve, V.V. (ed.). 1946. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey (Compendium of chronicles)*. Vol. III. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Rashid ad-Din 1971: Falina, A.I. (transl., intr. and comm.). 1971. Rashid ad-Din. *Perepiska (Correspondence)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Seyfeddini, M.A. 1968. In *Numizmatika i epigrafika (Numismatics and epigraphy)* VII, 144—148 (in Russian).

Semenov, A.A. 1948. In *Sovetskoe vostokovedenie (Soviet oriental studies)* V, 137—154 (in Russian).

Siaset-name 1949: Zakhoder, B.N. (transl., intr. and notes). 1949. *Siaset-name. Kniga o pravlenii vazira XI stoletiya Nizam al-Mul'ka (Book on the rule, by Nizam al-Mulk, vazir of the 11th century)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Tarikh 1974: Smirnova, L.P. (transl., intr. and comments). 1974. *Tarikh-i Sistan ("Istoriya Sistana")* (*History of sistan)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Encyclopaedia 1993: Bosworth, C.E., Donzel, E. van, Heinrichs, W.P., Pellat, Ch (eds.). 1993. *The Encyclopaedia of Islam*. New ed. Vol. VII: Mif-Naz. Leiden: E.J. Brill.

Hammer-Purgstall, J. von 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag (In German).

Hintze, A. 1997. *The Mughal Empire And Its Decline An Interpretation of the Sources of Social Power*. Aldershot: Ashgate.

Tadhkirat 1980: Minorsky, V. (transl.). *Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725)*. Cambridge: E.J.W. Gibb Memorial.